

Потапенко Игнатий Николаевич

Чудо смерти

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И26

И26 **Игнатий Николаевич П.**
Чудо смерти: Роман / Потапенко Игнатий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 109 с.

ISBN 978-5-519-79293-6

ISBN 978-5-519-79293-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

« — Смотри, Вѣруня! Ты не должна относиться къ этому городу такъ пренебрежительно вѣдь ты въ немъ родилась». (Ст. 11.)

нѣкоторая избалованность, которую какъ будто всѣ признавали законной.

Группа обращала на себя общее вниманіе. Столько духовныхъ лицъ и ни одного среди нихъ знакомаго, изъ окрестностей губернскаго города; все пріѣзжіе, посторонніе.

Кое кто изъ публики подумалъ, было, что въ городѣ предстоить сѣздь духовенства, какъ это бывало ежегодно; однако тутъ же и возразилъ себѣ: „Но что же будутъ дѣлать на сѣздѣ дамы, собравшіяся въ столь значительномъ числѣ и съ такимъ множествомъ чемодановъ и узловъ?“. И вопросъ оставался неразрѣшимымъ.

Между тѣмъ подали поѣздъ, который долженъ былъ везти пассажировъ въ направленіи, гдѣ, верстъ за шестьдесятъ отсюда, лежалъ губернскій городъ, и вся эта странная группа заняла мѣста въ одномъ вагонѣ второго класса, — чуть не весь вагонъ, и всѣ чемоданы и узлы, которыми были окружены дамы, были перенесены туда.

Поѣздъ двинулся и не особенно торопливо разсѣкалъ пространство, пересѣкая между высоко выросшей уже рожью и зеленѣющей пшеницей, разбросанныхъ по линіи хуторковъ и небольшихъ селеній.

Въ вагонѣ не прекращался оживленный говоръ, и время летѣло незамѣтно. Было нѣсколько остановокъ, но на нихъ никто не обратилъ вниманія.

А вотъ наконецъ показались и признаки губернскаго города — огромная казарма за городомъ, такъ называемый „ботаническій садъ“, который однако же былъ ботаническимъ нисколько не болѣе, чѣмъ всякій другой садъ, мелкнула извилина довольно широкой рѣки, надъ нею — обнесенный каменной стѣной густой садъ, изъ зелени котораго высоко подымались золотые купола церкви; это — монастырь.

Тогда духовныя лица и штатскіе бросились къ окнамъ и какими-то жадными глазами стали смотрѣть на все, что открывалось по пути, по мѣрѣ за-

медленнаго уже движенія поѣзда, смотрѣли и восклицали, то одинъ, то другой:

— Вотъ казарма... Ни капельки не измѣнилась... ну, точно вчера... Монастырь... А вотъ будка сторожа... такая же обшѣзлая... Семинарія.. Господа, господа! Ее-таки побѣдили!.. А!.. Должно быть, ревизоръ наѣзжалъ.

Высокій іерей съ двумя крестами, несмотря на свойственное ему величіе, тоже прислонился къ одному изъ оконъ и видимо переживалъ тѣ же чувства, какъ и другіе.

Дамы отнеслись къ этому не столь внимательно. Только двѣ изъ нихъ, самыя старшія, участвовали въ воспоминаніяхъ и понимали значеніе восклицаній, молодыя же смотрѣли на все, какъ на нѣчто, совершенно для нихъ новое.

Высокій іерей съ двумя крестами, къ своему окну и, нѣжно положивъ руку на ея плечо, сказалъ:

— Смотри, Вѣруня! Ты не должна относиться къ этому городу такъ пренебрежительно: вѣдь ты въ немъ родилась.

— О, милый дядя, но я этого событія совершенно не помню. Меня увезли отсюда чуть ли не четырехмѣсячной.

— Да, это — правда. Но все же это — твоя настоящая родина. Какъ однако странно думать, что и я здѣсь родился! — продолжалъ онъ. — Ты — такая молодая, и я — уже близкій къ старости... Да, да, это было сорокъ девять лѣтъ тому назадъ, и изъ нихъ добрыхъ три десятка проведены вдали отъ этого края!

Раздался неуверенный голосъ причетника:

— Жаль, Андрюша, что никакъ нельзя тебѣ пятидесятилѣтіе, отпраздновать вмѣстѣ съ золотой свадьбой нашихъ родителей.

Это замѣчаніе вызвало громкій, раскатистый смѣхъ двухъ батюшекъ, стоявшихъ рядомъ у другого окна.

— Ха-ха-ха-ха! Мелетій скажетъ! Ужъ онъ выдумаетъ! — замѣтилъ толстякъ: — всю жизнь только и дѣлалъ, что совмѣщалъ несовмѣстимое. Нечего сказать!.. хорошо было бы, ежели бы у нашихъ родителей въ день свадьбы да родился сынъ... Ха-ха-ха!

— Да вѣдь я пошутилъ! — сказалъ Мелетій, сейчасъ же сконфузился и, чтобы замаять исторію, усердно занялся стаскиваніемъ узловъ и чемодановъ съ верхнихъ сѣтокъ.

Поѣздъ затормазилъ и какъ-то неожиданно остановился. Но это былъ еще не вокзалъ: нужно было пропустить вышедшій оттуда поѣздъ, и замелькавшие мимо вагоны закрыли окна. Всѣ перестали глядѣть туда и занялись вещами. Скоро поѣздъ двинулся, и вотъ вокзалъ.

Публики пріѣхало въ городъ немного, и потому для всего общества не трудно было найти возницъ. Для этой цѣли на площадь предъ вокзаломъ побѣжалъ Мелетій и, сильно торгуясь, договорилъ пятерыхъ извозчиковъ, обладателей трехмѣстныхъ бричекъ, по шести гривенъ въ предмѣстьѣ Малиновку да еще какимъ-то чудомъ нашедшійся здѣсь рыдванъ-карету для величественнаго Андрюши и ломовика для багажа.

Отецъ Андрей, нисколько не протестуя, занялъ мѣсто въ каретѣ, пригласилъ туда Вѣру и еще трехъ дамъ; другіе устроились на бричкахъ, и всѣ двинулись черезъ городъ, направляясь въ пригородъ Малиновку. Мелетій же остался, чтобы получить багажъ, погрузить его на ломовую телегу и доставить въ мѣсто съ нимъ.

Это тоже одѣлалось само собой. Носители рясъ, а также и штатскіе считали совершенно естественнымъ, чтобы

этой черной работой занялся состоящий въ самомъ маломъ причетническомъ чинѣ Мелетій, да а замъ мѣ ни на минуту не усомнился въ этомъ и дѣлалъ это охотно и даже любовно.

Онъ самымъ искреннимъ и неллицимѣрнымъ образомъ уважалъ всѣхъ своихъ братьевъ,—какъ носившихъ іерейскія рясы, такъ и штатскихъ, каковымъ напримѣръ былъ докторъ, по имени Глѣбъ. А о замужнихъ сестрахъ, изъ коихъ три были здѣсь и всѣ были полады, и говорить нечего: къ нимъ онъ относился съ истинной нѣжностью.

Мелетій былъ скромнень не только по виду, а и по душѣ, и дѣйствительно былъ увѣренъ, что всѣ его братья и сестры лучше его во всѣхъ отношеніяхъ. Большие, ничѣмъ и не могъ объяснить онъ то обстоятельство, что, въ то время какъ всѣ они выбились въ люди и заняли прекрасное положеніи — кто — въ духовной сферѣ, а кто — въ свѣтской,—онъ остался причетникомъ, дальше не пошелъ и не имѣлъ никакой надежды возвыситься.

Послѣ получасовой возни съ нагрузкой на домовую телѣгу цѣлой горы узловъ, чемодановъ и сундуковъ, онъ поѣхалъ на ней въ городъ. Самъ онъ забрался на узелъ сбоку телѣги и сидѣлъ на немъ, свѣсивъ наружу ноги, смѣшно болтавшіяся въ воздухѣ.

Это было настоящее мученическое путешествіе. Приходилось ѣхать по главной улицѣ города, гдѣ были двѣ гостиницы и много магазиновъ, а городская публика, дѣловитая и гуляющая, фланировала по панели. Громыхая колесами по плохой мостовой, двигался возище съ багажомъ. По рытвинамъ и острымъ камнямъ возъ, плетущійся тихо, то и дѣло подпрыгивалъ, а вмѣстѣ съ нимъ то же самое дѣлало и духовное лицо, сидѣвшее на немъ. И всякій, у кого было свобод-

ное время, съ любопытствомъ смотрѣлъ на эту картину.

Но Мелетій ничего этого не замѣчалъ и не принималъ въ расчетъ. Онъ самъ былъ наблюдателемъ и предавался этой роли съ большимъ увлеченіемъ. Онъ ѣхалъ и смотрѣлъ на дома, заборы, магазины, церкви и припоминая убѣждался, что все, какъ было, такъ и осталось.

Было какое-то жгучее радостное чувство въ этой встрѣчѣ съ давно и хорошо знакомыми предметами. Тутъ вблизи, въ церковномъ домѣ пригорода, онъ родился и провелъ дѣтство, а въ самомъ городѣ познакомились горькіе корни ученія, сладкіе же плоды его такъ и улизнули отъ него: какъ ни тянулся къ нимъ Мелетій руками, не достигъ. Правда, и горькихъ корней онъ вкусилъ немного, но зато они казались ему горше, чѣмъ кому другому. Оттого, должно быть, онъ и отказался отъ нихъ такъ рано: еле дотянулъ до конца курса духовнаго училища, а въ семинарію даже не попалъ. Не помогли грозныя увѣщанія со стороны отца—человѣка, въ воспитательномъ дѣлѣ суроваго, настоящей бурсацкой школы, въ которой розги были высшей педагогической мѣрой. И его, Мелетій, имѣвшего тогда отроду всѣ шестнадцать лѣтъ, отецъ съѣкъ немилосердно, но даже этимъ способомъ не вогналъ въ него охоту къ ученію. И остался Мелетій навѣки рѣчные причетникомъ — со скуднымъ доходомъ и съ навсегда застывшей въ глазахъ покорностью.

Теперь онъ прибылъ въ родной городъ послѣ многолѣтней разлуки, такъ какъ приходъ его отстоялъ отсюда верстъ на двѣсти. Приѣхалъ онъ одновременно съ братьями, преуспѣвшими въ жизни, и сестрами, счастливо вышедшими замужъ.

Много ихъ было у цнпѣ маститаго

семидесятитрехлѣтняго отца Гавріила Явленскаго и супруги его Дарьи Константиновны. Всѣхъ родилось восемнадцать душъ обоого пола, но осталось въ живыхъ только одиннадцать. Поженались, повыходили замужъ, нарождали дѣтей, а у старшихъ уже и внуки появились. Вышло цѣлое племя.

И вотъ теперь со всѣхъ концовъ Россіи съѣзжались они въ пригородъ губернскаго города Малиновку, гдѣ отецъ Гавріилъ началъ и теперь благополучно кончалъ свое іерейское служеніе. Черезъ три дня свершится пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ онъ и Дарья Константиновна вступили въ бракъ, и все племя, всѣ оставшіеся въ живыхъ Явленскіе и ихъ отпрыски сѣвшились собратъся подъ кровлей родительскаго дома. Будутъ семейный праздникъ и пиршество, какое, можетъ быть, никогда и не бывало въ предѣлахъ губерніи—золотая свадьба.

На торжество должны были собратъся четыре сына о. Гавріила: протоіерей—самый старшій, первенецъ, на котораго было возложено столько надеждъ и который такъ блестяще оправдалъ ихъ—академикъ, магистръ, съ виднымъ положеніемъ въ столицѣ, съ большимъ вліяніемъ; инженеръ, который прибудетъ другимъ путемъ съ Кавказа; докторъ, Мелетій—причетникъ, и еще одинъ, самый младшій, который могъ бы служить большимъ утѣшеніемъ для Мелетія, если бы у послѣдняго было злое, завистливое сердце; но Мелетій не утѣшался, а скорбѣлъ, совершенно такъ же, какъ скорбѣлъ по поводу своей судьбы: его младшій братъ Игорь—неудачникъ, правда, совсѣмъ-подручному, чѣмъ онъ.

Учился Игорь какъ слѣдуетъ и очень даже преуспѣвалъ, до богословскаго класса дошелъ; но вдругъ пришелъ домой къ отцу и заявилъ:

„Не хочу учиться!“. Большое произошло волненіе. О. Гавріилъ, хоть ужъ и старъ былъ, и ослабѣлъ, а все же хотѣлъ было прибѣгнуть къ старому (никогда впрочемъ не помогавшему) средству и взялся за розги. Но вышло плохо. Игорю было уже девятнадцать лѣтъ, и малый онъ былъ рослый и сильный; взявъ онъ стараго отца за обѣ руки, крѣпко стиснулъ ихъ, отнялъ у него розги и, сказавъ: „Непристойно это, отецъ, вашему сану! и вижу, не понимаете вы меня!“—и, бросивъ розги, ушелъ. О. Гавріилъ три дня пролежалъ въ нервномъ разстройствѣ, не хотѣлъ видѣть Игоря, но потомъ ничего, смягчился и примирился. Такъ Игорь и болтался теперь безъ дѣла, и никто не зналъ, что изъ этого выйдетъ.

Все это Мелетій узналъ изъ письма матери. Игоря онъ не видѣлъ уже лѣтъ съ десятокъ; помнилъ его смуглолицымъ, бойкимъ, хотя и диковатымъ, мальчуганомъ, и не могъ представить себѣ его большимъ, такимъ, что способенъ отнять розги у отца.

Все это Мелетій думалъ, сиди въ лѣтней телѣгѣ на чьемъ-то уэлѣ—какой нибудь родственной матушки,—и воображалъ, что только будетъ дѣлаться въ церковномъ домѣ пригорода Малиновки, когда съѣдутся всѣ родственники! Многіе уже, должно быть, тамъ—эти вотъ, что съ нимъ пріѣхали; они сговорились, чтобы встрѣтиться на разъѣздной станціи и выѣсть нагрянуть. А другіе навѣрно еще и не пріѣхали. Гдѣ только они разѣстятся тамъ?

А вотъ и мостъ черезъ глубокій оврагъ, отдѣляющій городъ отъ предмѣстья, а вотъ и самое предмѣстье. Живутъ тутъ средняго достатка мѣщане; домики у нихъ одноэтажные съ палисадничками, но есть и богачи, которые живутъ въ городѣ большую

торговлю, а кромѣ того здѣсь кузницы—цѣлая улица кузницъ, куда прѣзжаютъ изъ города чинить экипажи и подковывать лошадей.

Вотъ на пригоркѣ показалась церковь; она ни капли не измѣнилась: все такая же бѣлая, и колокольня тоже бѣлая, а крыша зеленая, и надъ нею возвышаются два золоченыхъ купола. И домъ—большой, двухъэтажный съ пристройками и сараями, съ хозяйственнымъ дворомъ, съ огородомъ, съ садомъ; и рѣчка, въ которой, бывало, нырялъ онъ, Мелетій, по цѣлымъ часамъ, вылавливал руками изъ-подъ камней нежесторожныхъ бубырей и раковъ.

Сердце сладостно забилося у Мелетія, когда онъ увидѣлъ все прежнее, оставшееся неизмѣненнымъ, увидѣлъ свое дѣтство, которое было гораздо счастливѣе его теперешней горемычной жизни въ званіи причетника.

II.

Прѣхавшіе застали прибывшаго рапѣе брата Владиміра, инженера, съ женой и съ тремя дѣтьми; а на другой день прѣхали еще двѣ младшихъ сестры со своими мужьями—батьюшками, и племя Явленскихъ почти все было въ сборѣ.

Набралось великое множество людей и, когда наканунѣ празднованія золотой свадьбы отца Гавріила и Дарьи Константиновны всѣ собрались къ обѣду въ комнату, которую называли „заломъ“, за длиннымъ столомъ, гдѣ помѣстились и взрослые, и дѣти, то насчитали всего до сорока душъ.

Это было зрѣлище необыкновенное. Стѣснились ужасно, совсѣмъ другъ къ другу, такъ что трудно было владѣть руками, но зато настроеніе у всѣхъ было какое-то умиленно-радостное. Всѣ улыбались другъ другу, такъ, просто, безъ всякой причины, всѣмъ

хотѣлось звонко смѣяться, но при началѣ обѣда сдерживала пѣкоторая торжественность обстановки.

Вѣдь тутъ же присутствовали родоначальники всего этого народа, отецъ Гавріилъ и Дарья Константиновна, оба бѣловолосые, но еще высокіе и бодрые, безъ малѣйшихъ признаковъ дряхлости и упадка. И теперь, глядя на нихъ, всякій сказаль бы, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ это была удивительная пара.

Дарья Константиновна, восемнадцать разъ испытывавшая роды, конечно сильно отклонилась отъ идеальной формы; она раздалась въ ширь, спина ея нѣсколько согнулась и щеки слегка обрюзгли; но красивый типъ, несмотря ни на что, упорно еще выглядывалъ изъ всѣхъ чертъ ея лица,—крупныхъ, точеныхъ, безъ недостатковъ. Сѣдые волосы ея были прикрыты сѣточкой, а на груди пренаивно красовался широкій розовый бантъ, который навязали ей прибывшія дочери и другія родственныя дамы. И всѣ находили, что этотъ бантъ, по крайней мѣрѣ сегодня, удивительно ей къ лицу.

О. Гавріилъ не только сохранилъ прежнюю стройность и красоту, но даже какъ будто усовершенствовалъ ихъ. При оставшемся неизмѣнно глубоко смугломъ цвѣтѣ лица, совершенно бѣлая длинная борода и довольно еще густые, тоже бѣлые, волосы, прямыми прядями спускавшіеся до плечъ, давали удивительное сочетаніе.

Усѣлся за столомъ безъ всякихъ предначертаній, но какъ-то само собою вышло, что сидѣли почти правильно по возрастамъ, расходясь въ обѣ стороны отъ о. Гавріила и Дарьи Константиновны. Также само собою вышло и то, что рядомъ съ о. Гавріиломъ сидѣлъ его старшій сынъ, который былъ и старшій по положенію,—

о. Андрей, и всѣ ближайшія къ нимъ мѣста заняли нѣсколько рябъ.

Вѣра Назарови мѣсто выпало какъ разъ противъ стариковъ, и она, раньше никогда не выдавшая ихъ, внимательно вглядывалась въ ихъ лица, какъ будто изучая.

Скоро однако разговорились, начали шутить и смѣяться, и въ комнатѣ поднялся веселый гулъ. Но вдругъ всѣ замолкли и повернули головы назадъ, какъ будто тамъ произошла какая нибудь катастрофа.

Однако дѣло было гораздо проще. У самого края стола былъ еще незанятый одинъ стулъ, и теперь вошелъ человѣкъ, для котораго онъ предназначался. Это былъ Игорь, самый младшій отпрыскъ Явленскихъ, тотъ самый, что такъ непріятно удивилъ всѣхъ, а особенно о. Гавріила, тѣмъ, что безъ всякой видимой причины бросилъ ученье у самаго конца. До сихъ поръ онъ встрѣчался съ отдельными родственниками, но въ большемъ собраніи не появлялся. Вѣра напримѣръ уже два дня слышала рассказы о немъ, этими рассказами ей прожужжали уши, но ни раза не видѣла его. Богъ знаетъ, гдѣ онъ скрывался. И наконецъ вотъ онъ.

Молчаніе, которымъ его встрѣтили, показывало, до какой степени онъ интересовалъ всѣхъ. Всѣ замолкли не нарочно, не по уговору какому нибудь, а просто потому, что его появленіе поглотило вниманіе всѣхъ.

А между тѣмъ само появленіе не заключало въ себѣ ничего, достойнаго вниманія. Игорь просто вошелъ, приблизился къ своему мѣсту и тихо сѣлъ на стулъ. Видно было, что человѣкъ и не задавался никакими демонстративными цѣлями, пришелъ позже другихъ, потому что опоздалъ, не стучалъ сапогами, не держалъ вызывающе головы, скорѣе какъ будто хо-

тѣлъ, чтобы его появленіе прошло незамѣченнымъ.

И въ наружности Игоря тоже не было ничего протестующаго. Лицо смуглое, загорѣлое, съ едва только обозначившимися усиками, безъ бороды; глаза большіе, темные, лучистые; волосы густые и видимо приглаженные, но безуспѣшно; тонокъ, строенъ, роста своего, какъ видно, еще не закончилъ, но общалъ догнать о. Гавріила. Одѣтъ въ сѣрый пиджакъ, изъ-подъ котораго видна вышитая красной мережкой хохлацкая рубаха, безъ жилета.

Почти со всѣми онъ въ этотъ день уже видѣлся, а потому и то обстоятельство, что онъ ни съ кѣмъ не поздоровался и никому не поклонился, было въ порядкѣ вещей.

Впрочемъ молчаніе длилось не болѣе полминуты, и родственники снова загалдѣли.

Однако Вѣра не только сегодня не здоровалась съ Игоремъ, но и вообще видѣла его въ первый разъ. Какъ-то такъ выходило, что они не встрѣчались. Онъ вѣдь въ домѣ появлялся лишь для того, чтобы поѣсть, а остальное время проводилъ гдѣ-то во дворѣ или въ полѣ. О. Гавріилу полагалась церковная земля, и Игорь воздѣлывалъ ее. Пока это былъ единственный предметъ, привлекавшій его вниманіе.

Поэтому-то, когда всѣ уже забыли про Игоря и вернулись къ прежнимъ разговорамъ, Вѣра не переставала внимательно разсматривать его. Она пользовалась тѣмъ, что онъ, опустивъ голову, смотрѣлъ въ тарелку и повидному никого не замѣчалъ или во всякомъ случаѣ никому не отдавалъ предпочтенія, въ томъ числѣ и ей. Ей хотѣлось въ лицѣ Игоря найти какое нибудь объясненіе тѣмъ странностямъ, которыя рассказывали про него.

Ея родство съ нимъ было не особенно близко. Да и вообще Вѣра меньше, чѣмъ кто другой изъ всѣхъ, здѣсь сидѣвшихъ, принадлежала къ семьѣ о. Гавріила. Всѣ шли отъ него по прямой линіи—его дѣти и внуки, жены сыновей и мужья его дочерей, Вѣра же была дочерью двоюроднаго племянника о. Гавріила, который жилъ у него въ дѣтствѣ въ качествѣ сироты, былъ товарищемъ и другомъ Андрея—они вмѣстѣ прошли всю школу, а также и академію, потомъ женились на родныхъ сестрахъ; но вскорѣ послѣ этого у Назарова открылась чахотка, отъ которой онъ быстро, въ одинъ годъ, сгорѣлъ; жена же его болѣла сердцемъ и пережила его всего на три года. Осталась дѣвочка Вѣра, которую бережно воспиталъ и взлелѣивалъ бездѣтный о. Андрей. Онъ обожалъ дочь своего друга, какъ и его жена, которая, будучи сѣверянкой, не рѣшилась поѣхать на югъ и осталась въ столицѣ.

И потому-то Вѣрѣ казались странными, а подчасъ и смѣшными всѣ эти провинціальныя батюшки, нисколько не походившіе на то общество, къ которому она привыкла въ Петроградѣ, и она въ этой огромной семьѣ чувствовала себя нѣсколько чужой.

Игорь же оттого и интересовалъ ее, что онъ тоже никакъ не могъ объединиться со всѣми этими разъ навсегда устроившимися и установившимися людьми, добывшими себѣ положеніе и чрезвычайно довольными имъ.

Ужъ не говоря о странномъ поступкѣ—бросить ученіе добровольно, не будучи ни тупицей, ни лѣнтяемъ, да еще когда?—въ самомъ преддверіи конца, отказаться отъ аттестата и сопряженныхъ съ нимъ правъ и выгодъ,—не говоря ужъ объ этомъ необъяснимомъ поступкѣ, понять который никто

изъ родныхъ не могъ, онъ привлекалъ Вѣру еще своей дикостью и замкнутостью. Когда человѣкъ не хочетъ пользоваться спокойными и удобными, выработанными уже формами жизни, то какъ-то невольно думается, что у него въ головѣ есть какія-то другія формы, которыя онъ считаетъ лучшими, и Вѣрѣ хотѣлось узнать это.

Словомъ, она награждала Игоря интересными качествами, а эти качества влекли ее къ нему.

Обѣдъ простой, будничныи, безъ рѣчей и пожеланій; все это было отложено на завтра, когда будетъ торжество. Послѣ обѣда общество какъ-то вдругъ завяло; одни немного выпили, другіе слишкомъ плотно поѣли, и почти у всѣхъ потребовала своихъ правъ домашняя привычка отдыха, то есть въ сущности всѣмъ хотѣлось поспать. И недавно еще оживленное общество разбрелось по разнымъ угламъ.

У Вѣры тоже былъ свой уголокъ, но она чувствовала тамъ себя стѣсненной. Въ Петербургѣ, гдѣ она жила у своего дяди, о. Андрея, у котораго не было дѣтей и гдѣ ее обожали, она пользовалась отдѣльнымъ помещеніемъ и привыкла къ одиночеству и свободѣ. Здѣсь ее помѣстили въ верхнемъ этажѣ, откуда добровольно выбрался куда-то въ сторожку псаломщикъ съ семействомъ,—вмѣстѣ съ двумя родственницами—попадьями; одна была сестра о. Андрея, другая—жена толстяка о. Валентина. Обѣ были въ своемъ попадьинскомъ жакетѣ, прежилья, но Вѣра какъ-то не могла найти для себя никакихъ точекъ соприкосновенія съ ними. Между собой онѣ безъ конца говорили о многочисленныхъ родственникахъ и родственницахъ, увлекаясь этимъ до того, что продолжали бесѣду и ночью, уже улегшись въ постели и погасивъ лампу. Когда же онѣ начали заниматься Вѣ-

рою, то выходило еще хуже. Допрашивали ее, какъ она живетъ въ Петербургѣ, гдѣ училась, почему не поступила на курсы, что намѣрена съ собой дѣлать, какъ проводить время, какое у нея общество и есть ли женихъ, да, кромѣ того, и объ о. Андреѣ и о его женѣ, какіе у нихъ доходы и проч. Обо всемъ этомъ попадавшіе спрашивали въ высшей степени доброжелательно, и Вѣра ничего противъ нихъ не имѣла; онѣ были очень милыя дамы, но она не любила, когда ее допрашивали, и отвѣчать на все это ей было скучно. И она старалась всячески уклониться отъ общества своихъ временныхъ сожительницъ.

Правда, этотъ міръ провинціального духовенства былъ для нея новъ и въ первое время очень занялъ ее своей непосредственностью и тѣмъ особымъ колоритомъ, какого не встрѣтишь ни въ какомъ кругу и ни на одной точкѣ земного шара; но къ этому она скоро приглядѣлась, и далѣйшее уже было повтореніемъ.

Вѣра вышла во дворъ, ступая робко, какъ въ незнакомомъ, дремучемъ лѣсу, боясь натолкнуться на какую нибудь неожиданность.

Пригородъ по характеру жизни былъ гораздо больше похожъ на деревню, чѣмъ на городъ. Половина жителей здѣсь занималась хлѣбопашествомъ, арендуя принадлежавшую городу землю. По улицамъ бродили свиньи, на прохожихъ нападали выскакивавшіе изъ воротъ собаки, которыхъ съ наступленіемъ вечерней темноты сажали на цѣпь. У самого о. Гавріила за церковнымъ дворомъ былъ обширный токъ, гдѣ стояли стоги прошлогодней соломы и цѣлая скирда сѣна.

Все это было ново и чуждо Вѣрѣ, проведеншей всю свою недолгую еще жизнь въ Петербургѣ, и внушало ей нѣкоторый страхъ.

Она окинула взоромъ обширный дворъ, къ которому примыкало множество хозяйственныхъ построекъ, и чрезвычайно обрадовалась, когда увидѣла слѣва садъ, отгороженный высокимъ заборомъ, изъ-за котораго выглядывали зеленныя верхушки деревьевъ. Тутъ же была чуть-чуть пріотворенная калитка. Вѣра вошла въ эту калитку и, очутившись среди отцвѣтшихъ уже яблонь, грушъ, вишенъ и сливъ, обрадовалась такъ, какъ будто попала въ рай.

Садъ былъ небольшой, но чудный. Фруктовые деревья были разсажены въ порядкѣ, и въ каждой мелочи было видно, что они пользовались пѣжнымъ уходомъ. Расчищенные, усыпанные пескомъ, дорожки, скамейки, колодезь, изъ котораго вода выкачивалась въ бакъ и изъ него, по деревяннымъ осмоленнымъ желобамъ, а потомъ по канавкамъ, разливалась по всему саду и орошала деревья.

А когда Вѣра по довольно широкой дорожкѣ прошла на другой конецъ сада, то остановилась въ восхищеніи предъ раскрывшимся видомъ на безконечно-ровное поле, окрашенное во все цвѣта, какіе только есть у природы — желтѣющая рожь, серебристый овесъ, темная зелень ячменя и проса, нѣжно-розовый цвѣтъ гречихи. И такимъ дивнымъ ароматомъ полевыхъ травъ повѣяло отсюда, что у Вѣры слегка закружилась голова, но такъ пріятно, какъ отъ легкаго хмеля. Захотѣлось смѣяться, прыгать, устроить какое нибудь дурачество и, если бы въ этотъ мигъ подвернулась ей одна изъ ея временныхъ сожительницъ — попадья, или хотя самъ толстякъ о. Валентинъ, она, можетъ быть, стала бы кружиться съ ними, какъ въ дѣтствѣ. Но въ саду не было ни души, и дѣвушка оставалось одно: принять что нибудь безъ партнеровъ.

«Мелетій забрался на узелъ сбоку телѣги и сидѣлъ на немъ, свѣсивъ наружу ноги». (Ст. 13.)

Она оглядѣлась, замѣтила новую для нея, не широкую, но ровную дорожку, и съ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ пустившись по ней во всю прыть, пробѣжала всю. Но вдругъ она остановилась, и лицо ея выразило неподдѣльный испугъ.

Дѣло въ томъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея была плетеная изъ лозы изгородь, за которою были расположены принадлежавшіе къ хозяйству о. Гавріила стога соломы и длинная, высокая скирда сѣна. Тамъ, подъ однимъ изъ стоговъ, на раскиданной соломѣ, полулежалъ кто-то, а около него, играя и шали, прыгалъ черный, мохнатый дворовый песъ.

Топотъ вѣриныхъ ногъ при быстромъ бѣгѣ, ея звонкій смѣхъ и развѣвающееся отъ движенія бѣлое платье обратили на нее вниманіе собаки; она бросила свою беззаботную игру и съ довольно свирѣпымъ лаемъ стрѣлой помчалась къ изгороди.

Теперь Вѣра самой собаки не видѣла, но слышала ея все разрастаю-

щійся лай, очевидно направленный противъ нея, и съ ужасомъ ждала, что она перескочитъ черезъ изгородь и бросится на нее.

Нѣкто, полулежавшій на соломѣ, поднялъ голову, увидѣлъ ее и, понявъ весь смыслъ совершающейся трагедіи, быстро поднялся и сталъ громко звать собаку:

— „Жукъ“... „Жукъ“... Ступай сюда!.. Замолчи!

Но, хотя голосъ его былъ сильнѣе и звучнѣе собачьяго лая, „Жукъ“ не послушался его и продолжалъ лаять и дѣлать попытки взять преступномъ изгородь.

Тогда нѣкто подбѣжалъ къ самой изгороди и, чѣмъ-то, должно быть, ударивъ собаку, отогналъ ее прочь. Въмѣсто лая послышался жалобный визгъ. Самъ же этотъ нѣкто подошелъ къ изгороди и пристально взглянулъ на дрожащее отъ испуга существо въ бѣломъ платьѣ.

— Благодарю васъ, — сказала Вѣра, — я такъ испугалась!.. Я и теперь еще дрожу

— Не беспокойтесь! Опъ оконча-
тельно укрощенъ,—промолвилъ нѣкто.

Только теперь дѣвушка, нѣсколько
успокоившись, разглядѣла, что это
былъ Игорь. Раньше она не узнала
его, отчасти вслѣдствіе испуга, от-
части же и потому, что онъ былъ безъ
пиджака, а просто въ своей хохлац-
кой рубашкѣ, всученной въ брюки и
безъ шляпы, которую держалъ въ
рукъ.

— Боже мой!.. Такъ это, значитъ,—
вы, Игорь? — воскликнула она и по-
дошла вплотную къ изгороди.

Они стояли теперь лицомъ къ лицу,
раздѣленные плетенымъ лознякомъ.

— А вы?—спросилъ Игорь, внима-
тельно разсматривая ея лицо.

— Я—Вѣра, племянница отца Анд-
рея.

— Ахъ, Вѣра, племянница?.. Ха-
ха-ха!..

— Чему же вы смѣетесь? — промол-
вила Вѣра, слегка покраснѣвъ.

— Да вы такъ смѣшно сказали:
„Племянница отца Андрея“. Но вѣдь
Андрей — мой братъ; значитъ, вы —
столько же и мнѣ племянница.

— А въ самомъ дѣлѣ! Я этого не
сообразила.

— Почему же вы это такъ быстро
бѣжали? За вами кто нибудь гнался?

— Нѣтъ! Просто мнѣ ужасно скуч-
но, и я нечаянно открыла садъ. А
въ саду такъ чудно, и на меня на-
палъ телячій восторгъ...

Оба разсмѣялись.

Потомъ Вѣра сказала:

— А я какъ разъ и хотѣла по-
ближе рассмотреть васъ. За обѣдомъ
вы все въ тарелку смотрѣли. Про
васъ мнѣ наговорили Богъ знаетъ
что — будто вы дикій. Я этого пока
не вижу. Вы не перелѣзете ли сюда?

— Отчего же? Только я вотъ пид-
жакъ надѣну. Такъ неудобно.

— Почему? Напротивъ, лѣтомъ въ

деревнѣ... Это почти совсѣмъ ко-
стюмъ лаунъ-теннисъ.

— Не могу судить, ибо не знаю,
что это означаетъ.

— Неужели не знаете? У васъ, въ
семинаріи, не играли въ лаунъ-тен-
нисъ?

— Нѣтъ. У насъ больше въ чехар-
ду. Ага, вотъ вы не поняли, что та-
кое чехарда... Ну, значитъ, мы по-
квитались. Такъ я перелѣзу.

Изгородь была довольно высокая,
но Игорь ловко перепрыгнулъ черезъ
нее, и они пошли по дорожкѣ рядомъ.
Разговоръ сперва вертѣлся на безраз-
личныхъ темахъ, какъ бываетъ все-
гда, когда люди стараются еще толь-
ко распознать другъ друга. Такъ ей
правится садъ? О, онъ дивный! Да,
садъ замѣчательный. Созданіе его от-
ца. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ не про-
пустилъ ни одного дня, чтобы не гды-
ти сюда и не осмотрѣть каждаго де-
рева. Развѣ ужъ болѣзнь мѣшала, хо-
тя онъ почти никогда не болѣлъ. И
ужъ о каждомъ деревѣ онъ знаетъ
все, все его достоинства и слабости.

— Давайте-ка, сидѣмъ вотъ здѣсь,—
перебивая Игоря, сказала Вѣра. — Я
немножко устала. Будемъ любоваться
изумительной панорамой и говорить,—
только не о садѣ, а о себѣ самихъ.

— А что же, отлично... я согласенъ.
Только ужъ вы первый о себѣ, а я
потомъ.

— Безъ обмана?—улыбаясь спроси-
ла Вѣра.

— О, это ужъ навѣрное! Я никогда
не обманываю.

Сѣли. Вѣра подумала, видимо со-
бираясь добросовѣстно выполнить обѣ-
щаніе.

— Ну, что-жъ, я... живу въ Пе-
тербургѣ, у дяди... Мнѣ девятна-
дцать лѣтъ. Годъ тому назадъ я окон-
чила гимназію, и вотъ я... Ну, живу..
и... и больше, право, ничего.